

Дзинь-дзинь, дзинь-дзинь...

Услышав трель мобильного, Се Цинши сердито высунул руку из-под одеяла.

— Ну надо же, совсем совести нет. Даже не знают, что я только под утро уснул. Мешают спать, сил моих больше нет.

Он взглянул на экран, и раздражение как рукой сняло. Се Цинши моментально проснулся и сел в кровати.

— Алло, это ты, А-Юй? Наконец-то ты перезвонил. Как ты? Дедушка Ань...

— Живо садись в машину и дуй в аэропорт. У тебя двадцать минут. И смотри, чтобы никто не узнал.

— Ты вернулся? Но почему так... — внезапно?

Гудки.

Не успел Се Цинши договорить, как на том конце провода раздались привычные короткие сигналы.

— Опять не дал мне договорить, вечно он так, — проворчал он, надув губки. На его миловидном личике читалась обида, но он, смирившись, выбрался из постели. Быстро приведя себя в порядок, он поспешил на парковку.

Погладив свой любимый ярко-красный спорткар, Се Цинши всё же открыл дверь соседней, куда более скромной белой машины и рванул с места.

Двадцать минут спустя, у входа в аэропорт.

— Алло, А-Юй, я на месте. Как выйдешь из терминала, сразу увидишь. Не волнуйся, я никого не посвящал. Ради тебя я даже своей любимой ласточкой пожертвовал.

Се Цинши припарковался максимально близко к выходу и позвонил Цинь Юйяню. Он в шутку жаловался на свои жертвы, а в его миндалевидных глазах, полных нежности, читались искренняя забота и досада.

Внутри аэропорта.

Цинь Юйань, высокий, с безупречной осанкой, слушал ворчание Се Цинши и быстрым шагом направлялся к выходу, катая за собой чемодан. Даже несмотря на маску и тёмные очки, он приковывал к себе взгляды и вызывал волну ажиотажа.

— Это что, знаменитость? Какой стать! Хочу быть его фанаткой.

— Мамочка, я двадцать лет была одна, а сегодня встретила настоящую любовь! Не зря я столько лет постилась и молилась.

— Я не пью и не курю, ну, подумаешь, люблю на красивых парней поглядеть. Ничего страшного, это безобидно.

— Слюнки текут, какой же красавчик.

— А-а-а, какой потрясающий парень! Иду просить вичат!

Вдруг одна из девушек в толпе вскрикнула от восторга и начала проталкиваться вперёд. Остальные, не желая отставать, тоже рванули следом, и аэропорт в одно мгновение превратился в бурлящий поток людей.

Всё стихло лишь тогда, когда кто-то из толпы неуверенно произнёс:

— Кажется, это молодой господин Юй.

— Точно, это он! Я узнала часы на его руке. Это редкий бренд, лимитированная серия, в стране всего один экземпляр. Я сама хотела их купить, но семья Цинь опередила.

Пока люди замерли в изумлении, обсуждая увиденное, окружённый вниманием парень ловко воспользовался моментом и ускользнул.

Снаружи аэропорта дул ледяной ветер. Цинь Юйань невольно вздрогнул, но холод помог его уставшему за последние дни мозгу хоть немного проясниться.

Он поднял глаза: небо было ясным, весна уже начала окрашивать природу в нежные зелёные тона, а по дороге бесконечным потоком шли люди. Ленивый ветерок принёс с собой запах обновления — зима наконец отступила, и весна пришла точно по расписанию.

Но Цинь Юйаню всё равно было холодно. Он усмехнулся про себя: как же так, вырос в городе С, а до сих пор не может привыкнуть к местному климату. Прикрыв глаза рукой от яркого солнца, он спрятал за этой маской мимолётную грусть и широким шагом направился к машине.

В людском потоке Цинь Юйань с чемоданом выглядел особенно одиноко. Дело было не только в его яркой внешности, но и в том, что в этой шумной толпе он казался единственным, кто всё ещё не сбросил с себя тяжесть лютой зимы, дрожа от холода на ветру.

Заметив в зеркале заднего вида Цинь Юйаня в лёгком плаще, Се Цинши вспыхнул от негодования и поспешил выскочить из машины, даже не отстегнув ремень безопасности.

Он-то знал, какая погода в столице, и был одет в тёплую куртку, но даже его пробрало до костей, как только он вышел на улицу. А этот человек... как он мог одеться так легко?

Се Цинши подбежал, забрал у него чемодан и, коснувшись пальцев друга, почувствовал, что те ледяные.

— Давай сюда, я сам уберу. Садись скорее в машину, грейся.

Се Цинши открыл дверь пассажирского сиденья и забрал багаж. Цинь Юйань снял очки и медленно произнёс, намеренно добавив в свой и без того чарующий голос нотки соблазна:

— Ну, тогда побеспокою тебя, А-Ши.

На солнце его лисьи глаза, способные свести с ума любого, прищурились. Он улыбнулся так обольстительно, что родинка у внешнего уголка глаза лишь добавила его облику пьянящей притягательности.

Казалось бы, обычная благодарность, но прозвучала она так двусмысленно и вкрадчиво, что Се Цинши невольно замер, словно замороженный. Только когда Цинь Юйань сел в салон, он очнулся и, ошарашенный, потащил чемодан к багажнику.

— Ну что за искуситель, — бормотал он себе под нос, укладывая вещи. — И кому только такая красота достанется?

Но, вспомнив яркое, почти неземное лицо Цинь Юйаня, он тут же подумал, что во всей столице не найдётся девушки, которая была бы красивее него.

— Се Цинцин, ты там долго ещё будешь копать? Давай быстрее! — нетерпеливо крикнул из салона Цинь Юйань.

— Да иду я, иду! И вообще, почему ты опять называешь меня этим детским прозвищем? Вечно ты меня дразнишь.

Се Цинши недовольно надулся, нахмутив брови.

— А что, Цинцин — отличное имя. Звучное, запоминается легко. К тому же, ты сам его себе придумал.

Увидев, как Се Цинши сердито морщит своё милое личико, Цинь Юйань почувствовал, как тяжесть, сдавливавшая грудь последние дни, немного отступила.

— Хмпф, не разговаривай со мной.

Се Цинши отвернулся, демонстративно не глядя на друга, и с шумом завёл мотор.

— Ну чего ты такой обидчивый? Ладно, больше не буду, — Цинь Юйань наклонил голову и улынулся.

История с именем Цинцин уходила корнями в далёкое детство, когда они ещё ходили в детский сад. Перед приёмом каждый должен был научиться писать своё имя. Се Цинши, сидевший рядом, всё ныл, что его имя слишком сложное, а у Цинь Юйаня — простое.

Маленький Цинь Юйань, хоть и был ребёнком, оказался хитрецом. Он повернулся к другу и сказал:

— Всё просто: ты выучишь два иероглифа, я — три, и сложность у нас будет одинаковая.

Так, чтобы не учить лишний иероглиф, Се Цинши весь детский сад упорно твердил, что его зовут Се Цинцин.

Эта детская искренняя упёртость до сих пор казалась Цинь Юйаню чем-то невероятно ценным. В конце концов, то было самое счастливое время в его жизни: папа ещё любил маму, мама была жива, дедушка с бабушкой были рядом, и у него был настоящий дом.

Воспоминания о детстве заставили уголки губ Цинь Юйаня приподняться, немного смягчая горечь в его сердце.

<http://bllate.org/book/20043/1980142>